

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.2-31-027.14

ГЕРОЙ И ЕГО ПРОТОТИПЫ: ПРОБЛЕМА ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Борисова Л. М., Шульженко Ю. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: borlm-sf@mail.ru, juliashul22@gmail.com

Сквозь призму проблемы «герой и его прототипы» в статье рассматриваются портрет того поколения, на которое Горький в «Жизни Клима Самгина» возлагает ответственность за исход революции в России. Проводятся параллели между конкретными фактами в биографиях Поссе, Бунина, Маклакова, Мельгунова и других реальных лиц с соответствующими эпизодами в жизни Клима Самгина. В романе четко выделены признаки, по которым исследователи судят о поколенческой идентичности («сильный предшественник», «поколенческий шаг», конфликт «отцов и детей»), что в свою очередь дает основания видеть в герое не отдельную личность, но целую генерацию предреволюционных интеллигентов, ровесников автора, принимавших участие в главных событиях своего времени. Отмечается суженный подход Горького к общественной деятельности прототипов Самгина, в которой писатель выделяет лишь один аспект – отношение к революции, что определяет (обесцвечивает) и собирательный образ интеллигента в лице Самгина.

Ключевые слова: М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», прототип, поколенческая идентичность, народничество.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема прототипа в литературоведении относится к числу периферийных, но начинает играть заметную роль при анализе автобиографической, художественно-документальной, исторической прозы и такого специфического жанра, как «роман с ключом». Словом, в тех случаях, когда автор, с одной стороны, «не настаивает на документальности», но с другой стороны, насыщает материал специальными сведениями [17, с. 366] или стремится написать свою биографию, «раздвоившись на автора и героя повествования» [13, с. 10]. В «романе с ключом» повествование об известных исторических личностях ведется таким образом, что их имена не

называются, но при этом делается все, чтобы они не остались читателю неизвестными.

Работая над «Жизнью Клима Самгина», Горький добивался исторической точности, изучил огромное количество источников, среди которых были и учебники по истории, и политические календари, и воспоминания современников («Мне нужны точные даты смертей, восшествий на престол, коронаций, разгонов Думы и пр. и т.д», «не хочется пропустить ничего», «сознательно стремлюсь я к объективности» [6, с. 56, 89, 376]). Кроме того, писатель был свидетелем и участником описываемых событий. Горький и сам признавал, до какой степени роман проникнут документальным началом: «...если скажут, что его писал не художник, – сие приму как заслуженное» [6, с. 380]. За рамки художественной литературы «Жизнь Клима Самгина», конечно, не выводили, но с момента первой публикации романа не раз высказывалось мнение о его мемуарной природе. Наиболее близкое к нам по времени подобное суждение принадлежит А. Эткинду [16, с. 503].

Ряд эпизодов в «Жизни Клима Самгина» создан по принципу «романа с ключом». В частности, в день кровавого воскресенья среди прочих обитателей квартиры, где после разгона демонстрантов скрывался Георгий Гапон, Самгин видит некоего «татарина» (услышав его имя: «Савва», Клим догадался: «Морозов»). Другое реальное лицо, эсер Ротенберг, тоже названо по имени, в третьем, рыжеусом сильно окаяющем человеке с длинными прямыми волосами, читатель и сам без труда узнает автора романа.

В образе главного героя писатель намеревался дать характерный для изображаемой эпохи тип интеллигента и в данном случае тоже опирался на достоверные данные, хотя и особого рода. В «Беседе с писателями-ударниками по вопросам, предложенным редакционным советом ВЦСПС» Горький делился секретами мастерства: «Я видел, скажем, в течение жизни, может быть, полторы тысячи попов. И у меня сложилось представление о каком-то одном попе <...>. И если мне нужно написать попа, то я знаю, <...>, какие черты ему придать, чтобы он был типичным» [3, с. 90]. Клима Самгина Горький наделил чертами известных людей, среди прототипов героя он называл С. Мельгунова, В. Миролюбова,

К. Пятницкого, А. Ярошевского, доктора В. Лукина, Н. Тимковского, П. Шатагина, позже пополнил этот перечень именами В. Маклакова, В. Поссе, И. Бунина, Ю. Айхенвальда [10, с. 223]. Исследователи от себя добавили к ним еще А. Амфитеатрова, Е. Ляцкого (И. Груздев), Л. Тихомирова, П. Струве, П. Милюкова, М. Гершензона, Ф. Дана, Л. Мартова, А. Потресова, В. Чернова, Е. Кускову, С. Булгакова, Н. Бердяева (А. Овчаренко) и В. Ходасевича (Д. Быков). Проблема, как видим, не осталась в горьковедении без внимания, но до сих пор не становилась предметом специального анализа.

Парадоксальным образом за романом, казалось бы, отвечающим всем признакам исторической точности, закрепилась репутация загадочного. Загадка связана с личностью главного героя. В самом деле: какой тайный комплекс заставляет столь ярко выраженного индивидуалиста, как Самгин, против своей воли принимать участие в социальной революции? Чем объяснить его «всякость»? Что характерно для поколения Самгина? И наконец, почему, заклеив «неумным», автор полностью лишил Клима способности к творчеству? Попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрев их сквозь призму проблемы «герой и его прототипы». Для этого представляется целесообразным прежде всего сосредоточиться на проблеме поколенческой идентичности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Поколенческий подход практикуется в историографии не одно столетие. Своеобразной единицей измерения исторического процесса при этом служит понятие «поколенческий шаг». «Одна из особенностей России состоит в том, что российская интеллигенция видит действительность сквозь призму литературы. <...> Не случайно многие поколенческие модели, понятия, стереотипы были представлены именно русской литературой и литературоведением», [15, с. 9.] – пишет Т. Шанин и приводит примеры: «птенцы гнезда Петрова», по слову Пушкина, «гамлеты» и «дон-кихоты», согласно тургеневскому определению. Горький не выпадает из этой традиции, в подзаголовке к роману он четко определяет поколенческий шаг: «Сорок лет», и дает

определение героя своего времени, даже два, одно пристрастно-резкое: «пустая душа», другое более взвешенное: «революционеры поневоле».

Дата рождения героя в романе не указана, автор заменяет ее характеристикой эпохи, когда герой появился на свет. «Первые годы жизни Клина совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые мужественно и беззащитно поставили себя «между молотом и наковальней», между правительством бездарного потомка талантливой немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права» [4, с. 10]. Речь идет о пореформенном периоде Российской империи. Иначе говоря, Клима появился на свет между 1870 и 1875 годами. Прототипы героя – люди, родившиеся в 1860–70-е годы: Миролюбов – в 1860, Тимковский – в 1863, Пятницкий и Поссе – в 1864, Маклаков – в 1869, Бунин – в 1870, Айхенвальд – в 1872... Как утверждают исследователи, для поколенческой идентичности разница в пять-десять лет не играет большой роли, поскольку социализации личности происходит в возрасте пятнадцати-тридцати пяти лет, когда человек приобретает собственный социальный опыт. Для поколения Клина этот период пришелся на 1880–1890-е годы XIX века. Таким образом, герой и его прототипы – это все ровесники автора, одно поколение, которое, по мысли писателя, ответственно за исход известных исторических событий.

Обществоведы единодушно отмечают, что в русском обществе смена поколений традиционно сопровождается конфликтом «отцов и детей»: поначалу младшее поколение испытывает сильное идейное влияние старшего, но в дальнейшем столь же сильно от его идей отталкивается [1]. Если 1860–70-е годы характеризуются ростом революционных настроений, то в 1880-е русский интеллигент больше занят поисками себя. Противопоставляя два эти периода, Горький пишет в романе о первом: «заслужено ненавидя власть царя, честные люди заочно, с великой искренностью полюбили "народ" и пошли воскрешать, спасать его», а второй характеризует так: «сосредотачивали силы и таланты свои на "самопознании", на вопросах индивидуального бытия <...> Быстро подвигались к принятию лозунга "наше время – не время широких задач"» [4, с. 12].

В последние годы в исследовательский арсенал вошло понятие «сильный предшественник», предложенное И. Каспэ в связи с проблемой писательских поколений [7, с. 165]. В судьбах едва ли не всех прототипов Самгина встречается такая фигура. Для Бунина сильным предшественником был старший брат Юлий. Революционер-народник, он не только готовил будущего писателя к экзамену на аттестат зрелости, но, как пишет Л. А. Смирнова, по сути, был для него «отцом, наставником, источником света, знаний, душевных сил» [12, с. 130]. Юлий познакомил брата со своими друзьями-единомышленниками, ввел в редакции «Орловского вестника» и «Русских ведомостей». Под его влиянием Бунин некоторое время испытывал народнические настроения.

Мельгунов и Поссе в юные годы также оказались под влиянием народнической идеологии. Для Поссе, например, в роли сильного предшественника выступил учитель-народник Михаил Егорович Державин. Воспитанник был под сильным впечатлением от его рассказов о страданиях народа и от революционных собраний, на которых ему случалось присутствовать. Поссе вспоминал те годы: «Я заразился его настроением, и помню, как-то во время прогулки на лодке по Валдайскому озеру <...> я дал Михаилу Егоровичу детскую клятву, что отплачу свой долг народу и отдам все свои силы на его освобождение» [11, с. 9].

Рядом с героем Горького нет одного воплощенного сильного предшественника. Тот, кто мог бы претендовать на эту роль (дядя Яков), долгое время пребывает в ссылке, а в доме Самгиных появляется, когда революционные настроения в обществе идут на убыль и о народе интеллигенция говорит уже по инерции. Но детство и отрочество Клима прошло в окружении людей (отец, акушерка Мария Романовна, доктор Сомов, писатель Катин), разговоры которых вращались вокруг одной темы: необходимости спасения народа. Все они вместе и стали для него совокупным сильным предшественником, сделавшим свое дело, заронившим в его сознание мысль о долге перед народом.

Для освобождения от народнических настроений одним потребовалось меньше, другим больше времени, и шел этот процесс у разных людей по-разному. Одни попробовали реализовать свои идеи на практике (Миролюбову, например, пришлось

поработать в сельскохозяйственной колонии толстовцев. На этот же путь был готов ступить и молодой Горький, но его от такого «идейного» земледельчества отговорил писатель Каронин-Петропавловский). В сознании других (Поссе) народнические заповеди всплывали только в революционные моменты истории. А третьи, как Бунин, впоследствии отзывались об увлечениях юности резко негативно, едва ли не как о потерянном времени: «<...> Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду "радикалов" и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам общества, кроме этих самых "радикалов". О, проклятье!» [14, с. 35].

У горьковского героя не хватает искренности для столь энергичного высказывания, но чем дальше, тем больше его угнетают всякие разговоры о народе и долге интеллигенции перед ним: «Он не умел думать о России, народе, человечестве, интеллигенции, все это было далеко от него» [4, с. 144]. Климю органически чужда сама идея общественного служения, дядю Якова он воспринимает как «жертву истории», народ – как «врага человека». Но будучи интеллигентом по рождению и воспитанию, механически выполняет все, что предписано его средой, вплоть до участия в революции.

Практически для всех, с кого Горький писал Самгина, было характерно стремление примирить идею общественного долга с идеей ценности отдельной личности, все были далеки от революционного радикализма. Маклаков, выросший в среде либеральной интеллигенции, исповедовал принцип «исправлять недостатки, не разрушая самого здания». В университетские годы ему, правда, пришлось принять участие в студенческой сходке, но, по его собственным словам, это произошло случайно: «Я без драки попал в большие забияки» [8, С. 58]. Мельгунов-студент предпочитал революционным кружкам легальные общественные организации, выступавшие посредниками между начальством и бунтующей молодежью, устранявшие «повод к волнениям» [9, с. 85].

В зрелые годы все эти люди также избегали крайностей. Маклаков, например, будучи одним из тех, кто разрабатывал план убийства Распутина, предпочел не участвовать в его осуществлении. Поссе тоже считал себя «неподходящим материалом для террористической деятельности» [11, с. 43].

Среди реальных лиц, стоящих за фигурой Самгина, нет ни одного, сколько-нибудь уверенного в продуктивности для русского общества революционных действий. Наоборот, Маклаков был убежден, что «медленная эволюция – закон жизни; переворот – ее кризис» [8, с. 330]. Самгин в этом вопросе полностью солидарен с ним: «Было невыносимо видеть болтливых людишек, которым глупость юности внушила дерзкое желание подтолкнуть, подхлестнуть веками узаконенное равномерное движение жизни» [4, с. 260].

Кроме того, либеральная интеллигенция в лице того же Маклакова не соглашалась признать гегемонию пролетариата в социальном процессе – истину, отстаиваемую социал-демократами. Маклаков отвечал на это: ему трудно согласиться с тем, что «необразованные люди призваны Россию за собой вести, или что культурным слоям у народа чему-то надо учиться. Долг высших классов был его учить и ему помогать, а не уступать ему места» [8, с. 29]. Надеясь подобными мыслями Самгина, Горький намеренно их огрубляет: «За нами – несколько поколений людей, воспитанных всею сложностью культурной жизни... Именно мой демократизм обязывает меня видеть всю глубину различия между мною и полудикарями...» [5, с. 294].

И в жизни, и в романе либеральная интеллигенция в силу своих эволюционистских воззрений лояльна к самодержавию. «Народ сам создает правительство, и нечего все валить на самодержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет!» [2, с. 40] – говорил Бунин. Маклаков в студенческие годы посещал кружок Льва Любенкова, патриарха мировых судей Москвы, и укрепился во мнении, что в самодержавии есть положительные стороны, которые можно развить и реформировать. В конституционно-демократической партии он был лидером правого крыла и протестовал против проявлений радикализма. Даже в памфлете-аллегории «Трагическое положение», где вывел царя в образе неумелого шофера, на бешеной скорости ведущего автомобиль по горной дороге, предлагал оставить сведение счетов с ним до тех пор, когда опасность минует. Климку Самгину достоинства монархии объясняет историк Козлов, русский патриот, сторонник постепенного

государственного преобразования: «Народ у нас смиренный, он сам бунтовать не любит. Это разные господа облыжно приписывают русскому мужику пристрастие к "политическим движениям" и враждебность к государыне Москве». Мысли историка в полной мере соответствовали настроению Самгина. Он слушал речь Козлова «почтительно и молча, не чувствуя желаний возражать» [5, с. 37–39]. Но его собственное впечатление от Николая II диссонирует с мыслями симпатичного ему историка. Клим увидел маленького, скромного, мягкого человека с виноватой улыбкой и почувствовал, «что эта улыбка лишила его надежды и опечалила до слез» [4, с. 552].

Именно под влиянием эмоций, тех или иных политических настроений у многих прототипов Самгина (не с их ли многочисленностью связан символический сон героя о двойниках?) в определенных ситуациях и возникает прилив революционной активности. Так, в целом умеренный Поссе в период революционных событий считал стачку единственно эффективной формой социального действия, а идейно-аморфный, по характеристике Горького, Тимковский на заседании «Среды» начинал подталкивать кружок к политическим выступлениям. Активность такого рода у своего героя Горький и называет революционным невольничеством. Общественная атмосфера заставляет Самгина стыдиться своих консервативных взглядов, а безволие не позволяет отказать убежденным партийцам, и он послушно выполняет их поручения.

Но общественная жизнь не исчерпывается только участием в революции. У «Самгина и других» (воспользуемся этой горьковской формулой) она также проходила в разных сферах. Все они были общественниками и в силу своих профессиональных занятий: Маклаков – известный адвокат, Мирянов – редактор «Журнала для всех», Пятницкий – директор-распорядитель издательства «Знание», издательской деятельностью занимался и Мельгунов. Кроме того, все названные деятели отдали дань публицистике. Клим Самгин и в этом отношении подобен им: попробовал себя и в качестве юриста, и как журналист, в первую мировую войну побывал земгусаром.

Общественная деятельность «двойников» Самгина не была замкнута на идее государственного переустройства. И Поссе, и Миролюбов, и Мельгунов в издательской работе стремились удовлетворять не только социально-политические, но и духовные, художественные потребности читателей, ставили перед собой культурно-просветительские цели. Миролюбов в «Журнале для всех» печатал представителей разных литературных направлений, включая модернистские. Такую же политику во второй половине 1900-х годов проводил в издательстве «Знание» Пятницкий. Новейшие течения в русской литературе находят живого поклонника в лице Клима Самгина, но его автор не разделяет интересов своего героя и на этой же почве отдаляется от вчерашних друзей-издателей.

Ни один из прототипов героя не был профессиональным революционером, но от «собирательного» Самгина писатель требует качеств борца, бунтаря, которых у него не было.

ВЫВОДЫ

В романе Горького ясно прочерчена генеалогия главного героя. В общественных настроениях и действиях Самгина проступают поведенческие модели, характерные для наиболее распространенного на рубеже XIX–XX веков, но не единственного типа интеллигента. Другим ярким типом были так называемые «декаденты», старшие представители русского символизма, экспрессионисты (Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Брюсов, Леонид Андреев). В личности Самгина присутствуют черты и тех, и других, но автор оценивает его только с одной точки зрения – способности к революционному действию, упрощая, обесцвечивая тем самым героя своего времени.

Список литературы

1. Бочаров, В. В. Антропология возраста: учеб. пособие / В. В. Бочаров; С. - Петерб. гос. ун-т, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 192 с.

2. Бунин, И. А. Искусство невозможного. Дневники, письма / И. А. Бунин. – М. : Грифон, 2006. – 306 с.
3. Горький, М. Собрание сочинений: 30-ти т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 26. – 470 с.
4. Горький, М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1976. – Т. 21. – 580 с.
5. Горький, М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького – М. : Наука, 1976. – Т. 22. – 692 с.
6. Горький, М. Полное собрание сочинений: письма: в 24 т. / М. Горький; РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : Наука, 2012. – Т. 16. – 987 с.
7. Каспэ, И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы / М. Каспэ. – М. : НЛО, 2005. – 125 с.
8. Маклаков, В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. / В. А. Маклаков. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 384 с.
9. Мельгунов, С. П. Студенческие организации 80-90 гг. в Московском университете / С. П. Мельгунов. – М.: Свободная Россия, 1908. – 103 с.
10. Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия. Изд. 3-е, доп. / А. И. Овчаренко М.: Художественная литература, 1982. – 590 с.
11. Поссе, В. А. Мой жизненный путь: дореволюционный период (1864 - 1917 гг.) С портр. автора / В. А. Поссе, Редакция и примеч. Б.П. Козьмина; Предисл. В. И. Невского. – М. ; Ленинград : Земля и фабрика, 1929. – 548 с.
12. Смирнова, Л. А. Иван Алексеевич Бунин: жизнь и творчество: кн. для учителя / Л. А. Смирнова. – М. : Просвещение, 1991. – 191 с.
13. Тесля, А. А. Документальная проза: проблема и история жанров / А. А. Тесля // Ученые заметки ТОГУ. – 2012 – т.3. – № 1. – С. 8–17.

14. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны др. арх. материалы: в 2 т. / под ред. Милицы Грин. – М. : Посев, 2005. – Т. 1. – 303 с.
15. Шанин, Т. История поколений и поколенческая история России / Т. Шанин // Вопросы социальной теории. – №3. – 2005. – С. 6–24.
16. Эткинд, А Хлыст: секты, литература и революция / А. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 688 с.
17. Янская, И. С. Пределы достоверности: Очерки докум. лит. / И. С. Янская, В. Кардин. – М. : Сов. писатель, 1986. – 430 с.

References

1. Bocharov V. V. *Antropologia Vozrasta* [Anthropology of age: a manual]. Saint Petersburg. State University, Museum of Anthropology and Ethnography, Peter the Great RAS (Kunstkamera). Saint- Petersburg. Saint Petersburg State University Publ., 2001, 192 p.
2. Bunin I. A. *Iskusstvo Nevozmozhnogo* [Art of the Impossible. Diaries, Letters]. Moscow, Grifon Publ., 2006, 306 p.
3. Gor'kii M. *Sobranie Sochinenii* [Complete Works]: in 30 volumes. USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow: State Publ. House of Creative Literature, 1953, V. 26, 470 p.
4. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochineniy: Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Complete Works: Artistic Works]: in 25 vol., USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1976, V. 21, 580 p.
5. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Complete Works: Artistic Works]: in 25 vol., USSR Academy of Sciences, Gorky Institute of World Literature. Moscow, Nauka Publ., 1976, V. 22, 692 p.
6. Gor'kii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii: Pis'ma* [Complete Works: Letters]: In 24 vol., Gorky Institute of World Literature Academy of Sciences. Moscow, Nauka Publ., Moscow, Nauka Publ., 2012, V. 16, 987 p.
7. Kaspe I. *Iskusstvo Otsutstvovat'. Nezamechennoe Pokolenie Russkoi Literatury* [Art of Absence: The Unnoticed Generation of Russian]. Moscow, NLO Publ., 2005, 125 p.

8. Maklakov V. A. *Iz Vospominanii. Uroki zhizni* [From Memoirs. Life lessons]. Moscow, Moscow School of Political Studies, 2011, 384 p.
9. Mel'gunov S. P. *Studencheskie Organizatsii 80-90 Godov v Moskovskom Universitete* [Student Organizations of the 1880-90s at Moscow University]. Moscow, Svobodnaya Rossiya Publ., 1908, 103 p.
10. Ovcharenko A. I. *M. Gor'kii i Literaturnye Iskaniya XX Stoletiya* [M. Gorky and Literary Searches of the 20th c.]. 3rd Ed., Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1982, 590 p.
11. Posse V. A. *Moi Zhiznennyi Put': Dorevolyutsionnyi Period (1864 - 1917)* [My Life Path: the Pre-revolutionary Period (1864 - 1917). With the author's portrait]. Edited and commented by B.P. Koz'min; Preface by V.I. Nevsky. Moscow; Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1929, 548 p.
12. Smirnova L. A. *Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn' i Tvorchestvo* [Ivan Alekseevich Bunin: Life and Work: Teacher's book]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1991, 191 p.
13. Teslya A. A. *Dokumental'naya Proza: Problema i Istorii Zhanrov* [Documentary prose: the Problem and History of Genres]. Scientific Notes of Pacific State University, 2012, Vol. 3, No 1, pp. 8–17.
14. *Ustami Buninikh: Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny* [Through the mouth of the Bunins: the Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna, and other architect. materials]: in 2 vol. Edited by Milica Green. Moscow, Posev Publ., 2005, V. 1, 303 p.
15. Shanin T. *Istoriya Pokolenii i Pokolencheskaya Istoriya Rossii* [History of Generations and Generational History of Russia]. *Voprosy Sotsialnoi Teorii*, No. 3, 2005, pp. 6–24.
16. Etkind A. *Hlyst: Sekty, Literatura i Revolyutsiya* [Khlysts: Sects, Literature and Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998, 688 p.
17. Yanskaya I. S. *Predely Dostovernosti* [Limits of Reliability: Essays on Documentary Literature]. Moscow, Sovetsky pisatel' Publ., 1986, 430 p.

**THE HERO AND HIS PROTOTYPES: THE PROBLEM OF GENERATIONAL
IDENTITY IN M. GORKY'S NOVEL "THE LIFE OF KLIM SAMGIN"**

Borisova L. M., Shulzhenko Yu. A.

Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Through the prism of the “hero and his prototypes” problem, the article examines the portrait of the generation blamed by Gorky in *The Life of Klim Samgin* for the outcome of the revolution in Russia. Parallels are drawn between specific facts in the biographies of Posse, Bunin, Maklakov, Melgunov etc. and corresponding episodes in the life of Klim Samgin. The novel clearly outlines the signs of generational identity (“strong predecessor”, “generational step”, conflict between “fathers and sons”), allowing to see in the protagonist not an individual, but the whole generation of pre-revolutionary intellectuals, the author’s peers, who took part in the main events of his time. The article notes Gorky's narrowed approach to the social activities of Samgin's prototypes, in which the writer highlights a single aspect - their attitude to the revolution, thus discoloring the collective image of the intellectual in the person of Samgin.

Keywords: M. Gorky, "The Life of Klim Samgin", prototype, generational identity, narodniks